

Уважаемая Татьяна!

Спасибо вам за внимание к моей покойной маме Любовь Израилевне Рубиной-Шварц. Вы немного ошиблись- Елена Андреевна ей не дочь, а внучка, а я её дочь- Шварц Дина Морисовна. Еще есть у меня родная сестра Роза Морисовна Панфилова (по мужу), она живет в Хабаровском крае, в селе им. Полины Осипенко. У моей мамы жизнь сложилась трагически. Молодой девушкой она приехала Петербург из белорусского местечка Росица, окончила курсы медсестер, встретила моего отца, который приехал из Парижской эмиграции перед Октябрьской революцией (он родом из Литвы). После революции они уехали в Сибирь, где принимали участие в гражданской войне. Там, в Барнауле в 1921 году родилась я, в этом же году они вместе со мной вернулись в Ленинград. Отец стал работать на фабрике им. Володарского, простым рабочим, потом стал бригадиром, а в 1932 г. – назначен «красным директором» (назначен С.М. Кировым) новой фабрики - им. Мюнценберга (был такой рук. немецкого комсомола), сейчас это «Первомайская заря» (10-я Красноармейская). Мама не работала, в 1924 г. у неё родилась вторая дочь, в 1929- третья. В 1933 мы переехали в отдельную квартиру, нам ул. Каляева, в день убийства Кирова мама поняла, что «все кончено». Я помню, как она это сказала.

22 декабря 1936 г. арестовали отца, до ареста его «прорабатывали», исключили из партии, сняли с работы. Нам оставили одну комнату из трех, вселили семью какого- то лектора обкома, и мамина и наша жизнь превратились в ад. Они нас травили как семью «врага народа». Мама пошла работать в булочную, мы учились в школе, меня, конечно, исключили из комсомола, но через полгода восстановили. Вообще в школе все отнеслись ко мне хорошо, это была отдушина.

В июле 1937 г. маму арестовали, её взяли ночью, увели от троих детей. Это было страшно. Когда увели отца, мы надеялись, что это недоразумение, а теперь никаких надежд не было. У человека, который писал протокол, страшно тряслись руки, я кричала. Мы получали от мамы письма, непонятно откуда. Потом выяснилось, что она получила пять лет лагерей и бессрочную ссылку в г. Бийск Алтайского края. В Бийске она снимала угол и работала медсестрой. Нас приютила родная сестра мамы и подчинила нам всю свою жизнь.

В 1948 г. мама заболела и мы рискнули вызвать её в Ленинград, где ей сделали операцию (в клинике Отто). Все на удивление прошло спокойно и удачно. Но ей нельзя было жить с нами-101 километр. Когда у меня родилась

дочь, мы поехали на лето в деревню (Большое Заборовье Новгородской области, недалеко от городка Сольцы). Её не хотели там прописывать, но мне удалось уговорить главного милицейского начальника. Зимой она жила в Сольцах вместе с моей дочерью, но в начале 1950 г. плохо себя почувствовала и переехала к нам в Ленинград. Никто нас, как ни странно, не беспокоил. У мамы оказался рак желудка. В октябре 50 г. она умерла, в мучениях и полном сознании. Ей было всего 56 лет. Умерла она дома, среди близких. Похоронена на еврейском (Преображенском) кладбище.

О своем пребывании в тюрьме и лагере говорила мало. Сказала только, что ничего не подписала, выдержала угрозы и пытки, расправы с детьми. Все, что она пережила, не могло не отразиться на её здоровье. К тому же она перенесла трагическую гибель младшей дочери Лили. Это было последним ударом.

Вот все, что я могу вам сказать. Если Вы узнали что-нибудь еще, напишите, я буду Вам благодарна. В судьбе мужа она не сомневалась, недавно мы узнали, что он был расстрелян вскоре после ареста в Ленинграде, а не умер в 1939 г., как было указано в свидетельстве о смерти после его реабилитации. Они оба были реабилитированы в 1955 году.

С уважением, Д. Шварц.

21.12. 1992 г.